

—Осенью 1962 года наш угар ещё только назревал, и мы были даже способны на "культурные" мероприятия, не считая посещения игр "Зенита", - как-то мы (Борисов, Сазанов, Толя Буйко и я) выбрались в Песочную за грибами. Уже начинались заморозки, и мы общими усилиями нашли лишь один здоровенный белый гриб больше килограмма весом. Дома мы его отварили, затем пожарили с картошкой, а вечно голодный Ставка Борисов выхлебал чёрный отвар с этого гриба. Тогда мы ещё ходили на некоторые лекции, и вот, помню, как с лекции Невзглядова (графа, как мы его называли) по теореме Славка с грохотом сорвался с самой верхотуры и куда-то побежал. Оказалось - травить. Не сразу потом он очухался от грибной похлёбки.

Борисов, я и Сазанов во время похода за грибами в Песочную

В конце осени мы странным образом сблизились с девчонками из 159-й комнаты (той самой, где когда-то жили мои знакомые абитуриентки). Началось всё с шуточек на кухне, куда они приходили готовить, а кухня была рядом с нашей комнатой. Фамилий их мы сначала даже не знали, хоть и были с одного курса. Курс был большой, человек 150, занятия, не считая лекций, проходили по группам, и сферы личных знакомств редко выходили за рамки групп или соседств по общежитию.

Так вот однажды девчонки пекли блины на кухне, а мы к ним приставали, требуя угощения, чтобы дали попробовать. Я попытался один блин стащить и получил за это горячим, полужидким ещё блином в глаз, точнее, в очки. Угостила меня таким образом моя будущая жена, а тогда незнакомая мне маленькая, круглолицая весёлая девушка, которую, как потом выяснилось, звали Шура Ярцева, а в нашей комнате стали называть Сашенькой. Так состоялось наше знакомство.

Подошёл 1963 год. Год моего двадцатилетия, переломный для моей судьбы во многих отношениях.

—Новый год мы встречали с нашими новыми знакомыми, соседками по этажу -

Сашенькой Ярцевой, Леной Кротовой, Зойкой Шереметьевой. Ночью катались с горки у Петропавловки, толкались, барахтались в снегу, и я почему-то чаще всего сталкивался с Сашенькой. Один раз, скатившись с горки, я так на неё грохнулся, что у бедняжки косточки затрещали, я даже испугался, но она и виду не подала, что больно. Было весело и радостно. Потом мы с Сашенькой сидели вдвоём у нас в комнате и болтали о том, о сём.

Лариска Бойко, Кристель, Сашенька, Лена Кротова и Зойка Шереметьева,
июнь 1962 г.

Лена Кротова, Лариса Бойко и Сашенька на балконе общежития

Но уже шла сессия, компании в это время, естественно, не собирались, затем девчонки уехали на каникулы, и мы про них почти забыли. Сашенька сама напомнила о себе в разгар нашего угара, который достиг своего апогея где-то к марту месяцу, когда мы разделались, наконец, с хвостами за зимнюю сессию, а до весенней было ещё далеко.

Прилежная Сашенька

— Так вот Сашенька явилась нам ангелом-спасителем в нашу прокуренную и заставленную пустыми бутылками комнату. Она не стала читать нам мораль, а предложила поехать в Кавголово кататься на лыжах. Нас к лыжам вовсе не тянуло, хотя стоял солнечный и ещё морозный март. Но мы соскучились по футболу, в который совсем недавно так много играли, и решили поехать погонять мяч по снегу. Взяли мяч, Сашеньку и поехали в Кавголово. Возле университетской лыжной базы играли вместе с Сашенькой в футбол на снегу, а потом ещё и на лыжах покатались.

— Кавголово зимой великолепно, несмотря даже на нашествие лыжников. А тут и погода была идеальная - солнце уже припекает, а снег ещё не тает, пушистый, лыжи скользят отлично. Здесь мы почувствовали как застоялись, точнее, засиделись наши молодые тела, как не хватает им движений, и какое удовольствие они - эти движения нам доставляют. В общем, вылазка нам всем понравилась, и мы без колебаний согласились с предложением Сашеньки поехать ещё раз, уже без мяча, чтобы побольше покататься на лыжах.

— Ездили мы в будние дни, когда народу было сравнительно немного, и лыж хватало на всех. Сашенька прогуливала занятия вместе с нами. Она всем нам нравилась, и я советовал Славкам серьёзно обратить на неё внимание - хорошая девушка, я бы и сам за ней поухаживал, да у меня уже есть подруга.

Сашенька с подругами

В одну из поездок в Кавголово случилось вот что. Мы спускались на лыжах по длинному спуску, огибающему склон горы и затем переходящему снова в подъём. В одном месте правая колея лыжни просела, и надо было проскакивать это место на одной левой лыже, подняв правую, чтобы не врезаться её носком в снег. Кавалькада наша растянулась, впереди катили Славка Сазанов и я. Спустившись, а потом поднявшись на вершину очередного холма, мы со Славкой ждали остальных, которые где-то застряли. Наконец, видим - Сашенька наверх карабкается. Когда она поднялась наверх и улыбнулась, мы ахнули: у неё была разорвана верхняя губа. Оказалось, в том самом месте, где нам следовало остановиться, чтобы предупредить остальных, но не хотелось терять скорость, да и подумать о возможной опасности не успели, Сашенька-таки врезалась носком лыжи в снег и, падая, наткнулась ртом на ручку лыжной палки. Держалась она

мужественно, пыталась улыбаться, в медпункт идти отказалась: - Так заживёт!
— Действительно, всё само собой зажило, только маленький шрамик остался. А к Сашеньке я почувствовал в тот момент какую-то необычную ласковую жалость, что-то вроде нежности... Теперь я искал глазами её на лекциях, куда мы снова стали изредка ходить. Лыжные прогулки основательно нас протрезвили, да и деньги на водку кончились. Сашенька ходила на лекции в белой кофточке и стала казаться мне ещё более привлекательной. Странно, чего же это раньше, на младших курсах, я её вовсе не замечал?

— Как-то днём я был в комнате один, и ко мне заглянула Сашенька, как будто бы за линейкой логарифмической. Перекинулись шуточками, да и вдруг чего-то возиться начали - я линейку не давал, Сашенька отнимала, и в пылу борьбы я её нечаянно поцеловал. Реакция её оказалась для меня неожиданной: она притихла, прижалась ко мне и спросила: "Ты меня любишь?" Я шепнул: "Да", хотя того сильного ощущения, которое соответствовало бы этому слову, я не испытывал. Было ощущение нежности и чего-то грустного...

(продолжение следует)